

ЕДИНСТВО ДУХОВНЫХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ ВОСПИТАНИЯ

И.МОШКОВА*

Статья посвящена рассмотрению вопросов воспитания с точки зрения православной антропологии и православной психологии.

В статье показано, что духовная неразвитость человека приводит его к состоянию “внутренней недостаточности”, которое рассматривается в статье как проявление духовного заболевания, т.е. выраженного конфликта между разумом и сердцем человека, затмевающего Образ Божий в его душе и лишаящего способности к нравственному поведению. В определенном душевном состоянии страдающий человек начинает ходить по замкнутому кругу своих личных проблем и не может из него вырваться собственными силами. Здесь необходим особый род “воспитания”, в его значении “дополнительного питания”, “восполнения” человеческой души. “Воспитание” в этом смысле рассматривается в единстве его духовных и психологических аспектов.

Формирующаяся в последние годы, при поддержке Православной Церкви, практика оказания духовной и психологической помощи страдающим людям носит характер “душепопечения”. Автор статьи стремится показать, что успешное решение проблем “воспитания” предполагает наличие умений (у священников, родителей, педагогов, психологов и социальных работников) осуществлять практику “душепопечения” по отношению к конкретному человеку. С христианской точки зрения, данная практика представляет собой подвиг любви, доверия, понимания, терпения и бережного выхаживания истощенных душевных сил подопечного.

Во многих работах великого русского ученого и философа И.А.Ильина говорится о том, что преподавание духовных знаний, отделенное от православного воспитания, – безнравственно, т.к. христианство – это не просто “учение” или система представлений, но качественно новый образ жизни человека, определяющий нравственный облик его личности. “Образование без воспитания не формирует человека, а разнуздывает и портит его, ибо оно дает в его распоряжение жизненно выгодные возможности, технические

* *Мошкова Ирина Николаевна – кандидат психологических наук, психолог-консультант Православного центра “Живоносный источник”, директор воскресной школы при храме по имя образа Божией Матери “Живоносный источник” в Царицыно.*

умения, которыми он – бездуховный, бессовестный, безверный и бесхарактерный, и начинает злоупотреблять”, – писал он в статье “О воспитании в грядущей России” (Ильин, 1995, т.2, с.178-179).

В связи с этим, размышляя о будущем нашей страны, И.А.Ильин приходит к выводу о том, Россия нуждается в новом, “предметном” типе воспитания, способном “вывести человеческую душу из состояния холодной индифферентности и слепоты к общему и высшему; открыв его глаза на его включенность в ткань мира, на ту ответственность, которая с этим связана и на те обязательства, которые из этого вытекают, вызвать в нем чутье и вкус к делам совести, веры и чести, права и справедливости, церкви и Родины” (Ильин, 1995, т.1, с.155-156). Само понятие “воспитание” было раскрыто как **восстановление, формирование недостающей части души человека, неразрывно связанной с ее духовной устремленностью.**

Очень важно, что та же мысль прозвучала в проповеди священника о.Бориса (Ничипорова) во время Патриаршего Богослужения в Храме Христа Спасителя по случаю открытия VI Международных Рождественских Образовательных Чтений. Он отметил, что слово “воспитание” надо читать как “вос-питание”, т.е. **дополнительное питание человеческой души живительными соками благодати Святого Духа.**

Именно дух человека, зарождающийся в глубинах сердца как свободный прорыв к тайне богопознания и богообщения, придает новый импульс развитию его личности. Благодаря этому прорыву происходит иерархическая перестройка внутреннего плана жизнедеятельности человека и согласованное развитие желательной, разумной и раздражительной сил души, формируется способность к волевым и продуктивным действиям. В результате, человек становится внутренне собранным и деятельным. Образ Божий, скрытый в глубине души, в этом случае ясно проступает в человеческом облике.

Напротив, отсутствие духовной жизни в человеке приводит его к особому состоянию – **состоянию “внутренней недостаточности”** (Кортова, 1987), при котором характерен определенный разрыв между духовно-нравственными ценностями, принимаемыми на уровне разума, и реальными чувствами, определяющими субъективный строй жизни личности. Находясь в этом состоянии, человек не то чтобы не желает, он фактически не может поступать нравственно, действовать ответственно, так, чтобы слово и дело не расходились друг с другом. Такому человеку недостает **нравственной выносливости**, позволяющей не только желать блага, но и реализовывать его в своих поступках за счет совершаемых волевых усилий. Очевидно, что в этом случае духовно-нравственные ценности входят в сознание человека лишь как внешние, абстрактные стимулы, “знаемые”, но

не “не действенные” мотивы поведения. По отношению к ним у человека, страдающего внутренней недостаточностью, нет еще никакого внутреннего, личного переживания, придающего им смыслообразующий характер.

Коль скоро эта задача не решена, и “объективно-значимое” не стало “субъективным”, – человек продолжает пребывать в состоянии разобщенности внутренних сил, в состоянии отчуждения собственной душевной реальности от лучшей части его личного “Я”, т.е. от Образа Божия. В этот момент в нем борются различные тенденции: одна часть человеческого сердца склоняется ко греху, к защите своего уязвленного самолюбия, в то время как другая, лучшая часть – приводит личность к необходимости внутренних перемен, напоминает ей об утраченном духовном достоинстве. К несчастью, человеческая гордость (последствие первородного греха) “закрывает” человека на самого себя в тот момент, когда он, находясь в состоянии внутренней недостаточности, более всего нуждается в помощи Божией и помощи других людей. В результате внутренняя борьба добра и зла в сердце человека может растянуться на многие годы и даже на всю жизнь. Как указывают святые отцы Церкви, она длится в сердце человека до тех пор, пока он сам не сделает определенный **нравственный выбор**: на чьей он стороне – Бога или дьявола. А пока этот выбор не сделан, человеческая душа остается “несытой”, “голодной” и ей требуется в этот момент дополнительное “духовное питание”, т.е. “**вос-питание**”, восполняющее недостаток собственной нравственной выносливости и неспособности к нравственному труду и совершенствованию.

Опыт моей работы как психолога-консультанта в Православном центре при храме образа Богородицы “Живоносный Источник” в Царицыно показывает, что состоянию внутренней недостаточности соответствует определенная феноменология, которую хорошо знают священники из практики духовничества. Я позволю себе назвать некоторые типичные признаки, по отношению к которым должна осуществляться специальная воспитательная работа. Заниматься этой работой должны не только духовники, но и православные психологи и педагоги, которые постоянно сталкиваются в своей практике с людьми, находящимися в подобном состоянии.

Прежде всего, бросается в глаза выраженное противоречие между завышенным уровнем притязаний человека, выраженным идеализмом и максимализмом в его мыслях, намерениях, ожиданиях и суждениях, и крайней ограниченностью его реальных волевых ресурсов, знаний и умений, позволяющих ему достигать поставленных целей. В состоянии внутренней недостаточности человек фактически “раздваивается”, он желает того, чего в принципе достичь не может, но при этом он совершенно не желает приблизить к реальности свои замыслы. Выдвинутые идеалы сковывают его

свободу и волю, и человек не может посмотреть на себя критично. Разобщенность душевных сил делает его болезненно уязвимым и нетерпимым к себе и другим. Такие люди осуждают окружающих, конфликтуют с ними или обижаются на них. Внутренняя недостаточность, остро переживаемая как собственная неполноценность, разрушает общение с окружающим миром: повышенная чувствительность, щепетильность, амбициозность и пристрастность в оценке событий, упорное “правдоискательство”, – все это характеризует типичные проявления поведения этих людей.

Внутренний раскол душевных сил человека, ощущение внутренней “бреши” между желаемым и действительным приводит к развитию повышенной **потребности в любви и признании**. В свою очередь, поиск любви и признания со стороны окружающих – своекорыстен. Эти люди ищут такого отношения со стороны близких, чтобы их любовь давала им ощущение поддержки в постановке завышенных, нереальных жизненных планов. Иными словами, люди с внутренней недостаточностью ожидают, что их близкие укрепят в них идеальное “Я”, выстроенное уязвленным самолюбием и гордостью, которым они сами прельщаются. Если любящий человек прямо указывает им на реальные проблемы характера и замечает имеющиеся слабости и недостатки, – возникают обиды и протесты. Постоянно претендуя на проявление особого внимания и деликатного обращения со стороны близких, такие люди, по существу, оказывают своеобразное психологическое давление на окружающих и делаются “невыносимыми” в общении с ними. Внутренняя недостаточность субъективно переживается как чувство “непонятости”, “индивидуальной исключительности”, “непохожести” на других, и это представление становится той психологической преградой, которая ограничивает возможность понимания действительной мотивации собственных поступков. **Человек становится душевно одиноким, боязливо-тревожным, неуверенным в себе, недоверчиво-подозритель-ным и, одновременно, тщеславным, т.е. особенно зависимым от других людей.**

Очевидно, что описанное состояние внутренней недостаточности, с церковной точки зрения, может характеризоваться как **духовная болезнь**, которая, если ее не лечить благодатными средствами, наверняка разовьется и приведет к печальным последствиям заболевания души и тела. Церковный опыт показывает, что **духовная опустошенность приводит к душевной разобщенности и телесной расслабленности**. Противостоять этому необходимо, но вот беда – сам человек бывает не в состоянии предпринять необходимые нравственные усилия для своего Исцеления и Спасения, да и часто те, кто по долгу своего служения занимаются “душепопечением”, не умеют правильно подойти к нему.

Чаще всего православные люди торопятся “вразумить” и “наставить” на путь Истины, запугивая “неминуемым наказанием Божиим” и призывая человека как можно скорее прийти на исповедь к батюшке и покаяться, ошибочно думая, что состояние внутренней недостаточности – это только лишь проблема сознания или знания церковной традиции. На самом деле эта проблема значительно глубже и связана она **с поврежденностью духовного чувствования и вытекающего из него нравственно-волевого усилия.**

Следовательно, решение данной проблемы требует не только словесных и рациональных методов “воспитания”, но и более тонких, деликатных подходов к этому делу. К великому сожалению, в арсенале методов и средств воспитания православных педагогов, кроме все той же нравственной “проповеди”, которая более уместна для священников в храме, ничего не находится, в то время как задача педагогов не столько “призывать” к новой христианской жизни, сколько реально помогать и содействовать ее становлению. Нередко оказывается, что подобный **“призывающе-информационный”** подход укореняется и в сознании православных родителей, которые в кругу семьи также пытаются приобщить своих детей к церковной жизни. В результате оказывается, что святое дело Спасения души, вдохновляющее и осмысливающее нашу христианскую жизнь, в силу действия порочного стереотипа, неумелости, поверхностности и торопливости наших начинаний, девальвируется и принижается. А в результате нуждающийся в помощи человек все более замыкается в себе и становится все более недоверчивым к людям, т.е. теряет последние шансы на Спасение.

Для решения задачи подлинного духовного “воспитания”, на мой взгляд, требуется принципиально иной подход. Он называется **“жизнедеятельностным”**, т.к. для его реализации требуется не призыв ко Спасению души, а **совместное проживание воспитателем и воспитуемым, родителями и ребенком фрагментов общей христианской жизни, основанной на духовной Любви.** Мне кажется, что о.Борис (Ничипоров) указывал на необходимость именно такого подхода к воспитанию.

Хочу заметить, что в этом случае для воспитательной деятельности нужен особый тип человека, который сам, будучи духовно просвещенным и жизненно более опытным, из сострадания и милосердия к ближнему готов проявить по отношению к нему подвиг понимания, терпения и бережного выхаживания его истощенных душевных сил. Не случайно Святитель Василий Великий говорил: “Если хочешь воспитывать других, – воспитай сначала самого себя в Боге”. А Святитель Филарет Московский вопрошал: “Как будем направлять других, если не ревнуем о наставлении самих себя?” (цит. по: Пестов, 1996).

Воспитатель должен привнести в жизнь человека с внутренней недостаточностью созидательную силу, разрешающую его глубинный конфликт, он должен выполнить функцию того правдивого “зеркала”, в которое подопечный может всмотреться, не испытывая тех болезненных неудобств, которое доставляет ему его внутреннее самосозерцание. Отсутствие этих неудобств может быть обусловлено лишь тем, что другой человек входит в его жизнь именно как **Друг**, имея заведомо доброе расположение к страдальцу, стремясь вникнуть в тяжесть его внутренних переживаний без осуждения и насмешки, подсказать конструктивный выход из разлада с самим собой через принятие веры в Иисуса Христа, как своего личного Спасителя, и поддержать его на трудном пути становления новой христианской жизни.

Важно отметить, что дружелюбное отношение воспитателя к своему подопечному возможно лишь при условии, что он сможет узреть в структуре его личности едва уловимый **Образ Божий**, который, вопреки всем несуразным внешним и внутренним проявлениям человека, еще продолжает в нем действовать и, следовательно, в перспективе может в нем засиять новым и ярким светом. Относясь к своему воспитаннику не как к закованной в броню, а как к развивающейся личности, воспитатель может по-настоящему ему помочь только тогда, **когда он сможет побудить его решиться на тяжкий нравственный труд, направленный на преодоление внутреннего конфликта с самим собой.** Тогда со временем подопечный, опираясь на помощь своего старшего Друга, перестанет обороняться от ощущения неполноценности и начнет **понуждать** себя к нравственному совершенствованию. При этом спокойное, ровное, окрашенное в сочувственные тона отношение воспитателя к своему воспитаннику, готовность подставить плечо и дать полезный совет в трудную минуту выводит подопечного из состояния боязни неудачи, недоверия и подозрительности. Первые удачные шаги в новом направлении жизни возвращают человеку ощущение радости и надежды на позитивные перемены, укрепляют уверенность в своих силах и формируют чувство признательности, благодарности и привязанности к своему помощнику. Однако сам воспитатель не должен соблазняться и обольщаться бурными проявлениями ответной благодарной любви и симпатии. Напротив, в этот момент духовно зрелый воспитатель всегда преобразует эту человеческую благодарность в благодарение Богу, сотворившему его руками чудо пробуждения души человека, и тем открывает самому подопечному подлинный Источник настоящего жизненного блага.

Важно отметить, что, начиная с этого момента, само присутствие старшего Друга в жизни воспитанника, возможность общаться с ним, находясь

постоянно в некоем духовно-ориентированном диалоге, счастливая возможность опереться на его помощь и поддержку являются для последнего источником прилива энергии и энтузиазма. Естественным желанием подопечного становится тогда желание “срастись”, “прилепиться”, “никогда не разлучаться со своим Другом”, “всегда и повсюду быть вместе”, однако не для этого настоящий воспитатель принимается за дело. Он входит в жизнь своего подопечного для того, чтобы научить его **самого** преодолевать состояния внутренней недостаточности, чтобы он впредь мог жить и действовать иначе полностью **самостоятельно**, и впоследствии захотел помочь кому-нибудь другому в такую же трудную минуту. Для этого подопечный, оставаясь наедине с самим собой, должен **решиться** на тяжкий нравственный труд, связанный с преодолением своей духовной и душевной немощи, т.к. представившийся счастливым случаем общения с умным, добрым и чутким наставником может оказаться уникальным шансом на Спасение, которым следует непременно воспользоваться. В этот период жизни воспитанник должен понять, что через его Друга **сам Господь вступил в общение с ним** и ждет от него Веры, Надежды и Любви. От простого признания духовно-нравственных ценностей и малопродуктивного их почтения человек должен перейти к активной и наполненной реальной силой способности **служить** им.

Хочу подчеркнуть, что новый, добытый потом и кровью христианский смысл жизни является продуктом **совместного духовного творчества и общения, общей жизнедеятельности воспитателя и воспитанника**. Вступая в это общение, решаясь помочь и послужить ближнему, воспитатель должен быть способен уважать свободу личности своего подопечного, он не должен ничего навязывать и задавать какой-либо жесткий **проект** его последующей самостоятельной жизни. Все это воспитанник будет обретать сам. **Задачей наставника является лишь активизация дремлющей в нем самом целительной, обновляющей силы, исходящей от Образа Божия, скрытого в глубине личности.** Воспитанник преодолевает свою внутреннюю недостаточность тем, что он, с помощью Божией и при содействии Другого человека, совершает свободный **волевой прорыв к христианскому образу жизни, основанному на духовно-нравственных ценностях.**

“Жизнедеятельностный” подход к воспитанию, обрисованный мною, вызревал в ходе индивидуальной и групповой работы в Воскресной школе и Православном центре “Живоносный Источник” давно, в течение 8 лет. Множество людей проходят перед глазами, когда пытаешься обзреть накопленный опыт. Но год от года, все более вникая в работу православного педагога и психолога, мы все более убеждаемся, что иного пути, приводящего к подлинному духовному обновлению воспитанников, просто нет.

Сам Господь Иисус Христос, пролагая путь к нашему Спасению, указывал на необходимость служения и сослужения друг другу, призывая приходить на помощь и проявлять милосердие к духовно больным людям. “Не здоровые имеют нужду во враче, но больные. Пойдите, научитесь, что значит “милости хочу, а не жертвы”! Ибо я пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию” (Мф. 9: 12-13). Видя глубинную духовную поврежденность человека и его неспособность самостоятельно выйти из мрака греховного, сам Господь смиряется перед человеческой немощью и приходит “взыскать и спасти погибшее” (Мф. 18: 11). Творец смиряется до такой степени, что берет на себя образ твари, смиряется до смерти, проявляя готовность разделить с человеком даже наказание за грех (богооставленность), будучи Сам совершенно безгрешен. По великой Божией Милости и Любви к человеку преклоняются Небеса и рождается, входит в земную жизнь Тот, кто Сам готов добровольно пострадать и принести себя в жертву ради возможности Спасения человечества. “Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою за искупление многих” (Мф. 20: 28).

Когда наступает час Его общественного служения, Христос избирает себе учеников и становится для них истинным Учителем и Наставником, и заботливым и терпеливым Другом. Он живет вместе с ними одной общей жизнью, входит к ним в дома, разделяет с ними общую трапезу, духовно их просвещает, проповедует, открывая им тайны Царствия Божия, терпеливо объясняет притчи, совершает у них на глазах чудеса, дает им самим недостающую благодатную силу (способность изгонять нечистых духов, наступать на “змей” и “скорпионов”). Господь остается в теснейшем контакте с апостолами вплоть до Тайной вечери, где заповедует им вкушение под видом хлеба и вина Своей божественной плоти и крови, ради приобщения к Жизни Вечной и воспоминания о Нем. “Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам” (Ин. 15: 13-14), – говорит Спаситель.

Накануне голгофских событий и своей крестной смерти Христос, предвидя необходимость расставания, предупреждает и утешает своих учеников, что Он должен уйти в обитель Своего Небесного Отца ради них самих, ради того, чтобы приготовить им место там, где будет пребывать Он сам. “Не оставлю вас сиротами; приду к вам. Еще немного, и мир уже не увидит Меня; а вы увидите Меня, ибо Я живу, и вы будете жить. В тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас” (Ин. 14: 18-20). В преддверии страшных событий, великой скорби и тяжелых искушений для своих учеников, Господь заповедует им любить друг друга и исполнять заповеди Его, обещая духовно хранить их и помогать во всем “во вся дни до скончания

века”. “Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам. Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не так, как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается. Вы слышали, что Я сказал вам: “иду от вас и приду к вам” (Ин. 14: 26-28).

Крестная смерть Спасителя, Его Воскресение и Вознесение на Небеса стали настоящим испытанием веры учеников и исполнением всех предсказаний о предстоящей Ему искупительной миссии. Многие соблазнились, растерялись и испугались, недоумевая и не находя в себе внутренних сил для того, чтобы утвердиться в качестве учеников Христовых, но в день Пятидесятницы, когда Спаситель ниспослал на них Духа Святого, все они укрепились и ощутили себя способными идти путем Христовым и принести плоды своей веры. Исполнилось в тот час прошение Господа о своих учениках: “Да будут все едино: как Ты, Отче во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, – да уверует мир, что Ты послал Меня. И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино” (Ин. 17: 21-22).

Таким образом, очевидно, что в общении Спасителя со своими учениками мы находим те же самые компоненты их духовного воспитания, понимаемого как служение ближним, о которых шла речь выше:

во-первых, акт смирения и снисхождения по отношению к немощам человеческим, обусловленным действием грехов, добровольное желание содействовать духовному обновлению души;

во-вторых, установление душевного и духовного контакта, позволяющего создать общую жизнь и деятельность, обрести доверие и любовь со стороны учеников;

в-третьих, постоянный духовно-ориентированный диалог, открытость Учителя и Наставника, готовность помогать своим ученикам в трудных ситуациях не только словом, но и делом, духовное водительство, формирующее стремление следовать за Учителем и ему подражать;

в-четвертых, стремление научить своих учеников самостоятельности, освободив их от личностной привязанности к самому себе, научить способности совершать волевой прорыв к новой жизни и делать свой собственный нравственный выбор между добром и злом.

Заметим, что четыре названных компонента воспитания принципиально меняют подход к делу. Переставая быть стереотипной назидательной деятельностью, воспитание превращается в непрерывное **творческое делание**, сопоставимое с любым другим духовным подвигом. В этом случае оно становится непрерывным трудничеством, связанным с преодолением своих собственных и чужих духовных немощей. Добровольное согласие воспитателя на роль служителя и попечителя о душе другого человека, желание

смиряться и понимать “внутреннюю недостаточность” подопечного, умение вывести его из состояния внутреннего конфликта с самим собой за счет прямого, искреннего и честного духовно-ориентированного диалога, готовность показать личный пример нравственного и цельного поведения, без тщеславного стремления вызвать в свой адрес похвалу или привязанность к себе – все это придает труду воспитателя **предметную направленность** и делает его плодотворным.

ЛИТЕРАТУРА

Ильин И.А. “О воспитании в грядущей России – I”. Собрание сочинений, т.2, книга II. М.: “Русская книга”, с.178-179.

Ильин И.А. “Путь духовного обновления”. Собрание сочинений, т.1, М.: “Русская книга”, с.155-156.

Кортава В.В. К вопросу о ценностной детерминации сознания. Тбилиси: “Мецниереба”, 1987.

Пестов Н.Е. Современная практика православного благочестия. Книга IV. Санкт-Петербург: “Сатис”, 1996.